

ВЛИЯНИЕ ЦЕХОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА СЕМЕЙНУЮ ЖИЗНЬ РЕМЕСЛЕННИКОВ И КУПЦОВ В XVI – XVIII вв. (на примере г. Могилева)

Данная статья направлена на изучение влияния цеховых организаций на семейную жизнь ремесленников белорусских городов в XVI – XVIII вв. В рассматриваемое время цеховые организации представляли собой “большую семью”, включавшую в себя множество семей ремесленников. Здесь, как в и отдельно взятой семье, существовал “глава семьи” – цеховой старшина; старшие члены семьи – старшие братья, младшие члены семьи – младшие братья. Ученики и дети ремесленников являлись детьми всего цеха, о чем свидетельствует та забота, которую они проявляли о них, в случае смерти одного из своих братьев. Данная структура отношений внутри цеха определяла специфику внутрисемейных и межсемейных отношений в белорусском городе в XVI – XVIII вв.

Введение

В XIV – XVII вв. многие белорусские города были наделены магдебургским правом. Это явилось толчком к формированию цехов ремесленников. Возникновение цехов не могло не оказать влияния на матримониальное поведение жите-

лей городов, занимавшихся ремеслом, так как цеховые организации наряду со своей основной функцией – организацией производства и сбыт произведенной продукции, – являлись также религиозными, судебными и финансовыми объединениями. Они регламентировали жизнь и деятельность членов цеха в целом, и семейную в частности [1, с. 43]. Семьи ремесленников и купцов, входивших в тот или иной цех, были подчинены нормам, зафиксированным в цеховых уставах, их выполнение было обязательно для всех членов, что наложило отпечаток на матримониальное поведение данной категории городского населения. Таким образом, исследование цеховых уставов позволит выявить особенности структуры семьи ремесленников, определить специфику внутрисемейных отношений данной категории горожан. А также установить влияние цеховых организаций на семейную жизнь ремесленников и купцов.

Данная проблема не попала в поле зрения отечественных исследователей. На сегодняшний день не существует ни одной статьи, которая бы затрагивала эту тему. Имеющиеся работы либо утверждают, что цеховые организации оказывали влияние на семейную жизнь наших предков, но не рассматривают ее в целом [1; 2, S. 95] либо рассматривают непосредственно цеховые организации, затрагивая те требования, которые предъявлял цех к личности мастера (ученика, цехмистра), а также отмечают ту помощь, которую оказывал цех, в случае смерти одного из своих братьев [3, с. 95, 100]. Таким образом, данная тема является весьма актуальной, поскольку приподнимает завесу над еще не изученной ранее стороной матримониального поведения жителей белорусских городов в XVI – XVIII вв.

Цех и семья ремесленника в XVI – XVIII вв.

Изучение цеховых уставов позволяет утверждать, что на протяжении исследуемого периода вмешательство цехов в семейную жизнь членов цеха было не одинаковым. Оно возрастало с укреплением позиций самих цеховых организаций. Так, еще в конце XVI в. имеющиеся цеховые уставы не содержат в себе данных, касающихся матримониального поведения своих членов. В них фиксируются требования, предъявляемые исключительно к производству продукции и управлению цехом, а также сведения об его структуре. Примером могут служить уставы цеха скорняков, датируемые 1594 г., и устав цеха солодовников, восходящий к 1597 г. [4, с. 224-227; 234-236]. XVII в. стал временем, когда данные документы все больше и больше уделяют внимания семьям своих мастеров.

Начиная с XVII в., цеховые организации некоторых белорусских городов стояли на стороне законного брака, то есть венчанного. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что для того чтобы породниться с семьей ремесленника, то есть жениться на его дочери, жених должен был доказать свое происхождение, то есть быть законнорожденным ребенком и сыном уважаемых родителей: *“...Towarzysz (...) chciał byc майstrzem, а о яго by rodzinie nie wiadano, powinien бэдне list urodzenia y wyzwolenia swego z nauki pokazac; także y który by z towarzysow (...) u misrta corkę chciał poiąć...”*¹ [4, с. 430]. Как видим, помимо происхождения, претендент на руку дочери ремесленника должен был заниматься

¹ Перев. с пол.: “...если товарищ хотел стать мастером, а о его родственниках ничего не было известно, то он должен предоставить документ о своем рождении и о прохождении обучения, тоже должен был сделать и товарищ (...) желающий вступить в брак с дочерью мастера...”.

тем же видом ремесла, что и его будущий тесть. Причем данное обстоятельство было столь важным, что поощрялись даже “неравные браки”, то есть браки между учениками и дочерьми мастеров, у которых они проходили обучения: *“Towarzysz (...) chciał byc maistrzem, a o iego by rodzinie nie wiadzano, powinien będzie list urodzenia y wyzwolenia swego z nauki pokazac; także y ktory by z towarzysow, albo uczniow tutejszych u mistra chciał corkę poiąc...”*² [4, с. 498]. Более того, такие браки не только приветствовались, но и поощрялись, так как такой брак не требовал в последствии от ученика платить «выкупное» по окончании обучения. Ученик, вступивший в брак с дочерью мастера, у которого он проходил обучение не мог быть зачислен в число “младших” братьев: *“...wszykże masłek maskow tegoż rzemiosła, w stan małżęski poiąwszy, ma byc wolnym od wykupnego y od młodszestwa, tylko bracią poczęstowac...”*³ [4, с. 486]. Здесь мы сталкиваемся и с одним из элементов свадебной церемонии, распространенном в белорусских городах, – свадебным застольем (*“купить бочку пива на всю братию”* [5, с. 305]). Приведенные выше отрывки из цеховых уставов предъясняют требования только в отношении происхождения и обучения жениха. Это скорее всего было обусловлено тем обстоятельством, что происхождение невесты было изначально известно, так как ее отец изначально принадлежал к данному цеху. Кроме того, подобные формулировки, позволяют предположить, что в семьях ремесленников и купцов был распространен обычай перехода невесты в семью жениха, а скорее жениха в семью невесты. Тем более, что дети местных ремесленников по окончании обучения, отправлялись путешествовать: *“Synu mieskie, złotnicy miasta tutejszego syn będzie li chciał maystrem zostac, odprowiwszy wędrowkę, ma tutaj w miescie u ktorego kolwiek z cechowych cały rok robic...”*⁴ [4, с. 430], где зачастую могли стать членами цеха, занимающегося тем же видом ремесленной деятельности.

В XVI – XVIII вв. цеховая организация наложила свой отпечаток на структуру семьи. Так, в семье ремесленников (купцов) помимо кровных родственников (глава семьи его жена, их дети, братья, сестры) входили ученики и подмастерья, становившиеся членами семьи на время своей учебы у мастера-ремесленника, которая могла длиться от трех до четырех лет в зависимости от вида ремесла⁵. Ученик (подмастерье) на время учебы вливался в семью мастера: он жил в доме мастера. Ученик не имел права возвращаться к своему отцу (в отсутствие одного к тому, кто его отдал в науку) до окончания срока обучения и в случае подобного ухода, ученик подлежал наказанию: *“...a iesliby ktory chłopiec, służąc panu swemu (...) odszedł do oycy swego, albo do tego, od kogo będzie dany z ręku na rzemiosło ktorego pan iego, odyskawszy do siebie, ma go do cechowi przed bracią przywiesc y prosic cechmistra, aby wszystką bracią obesał, ktorzy chłopcow mają, aby każdy z swym chłopcem przyszedł, by ktory y dwoch miał, tamże tego winnego, na ktorego pan iego ma za złe, mają rozłożyć na zydlu, a każdy chłopiec, ich będzie, mają go po*

² Перев. с пол.: “...если товарищ хотел стать мастером, а о его родственниках ничего не было известно, то он должен предоставить документ о своем рождении и о прохождении обучения, тоже должен был сделать и товарищ, или ученик, желающий вступить в брак с дочерью мастера...”.

³ Перев. с пол.: “...если ученик того же ремесла вступит в брак в дочь ремесленника, он освобождается о выкупного и от «молодшества», только должен будет угостить по этому поводу всех братьев из своего цеха...”

⁴ Перев. с пол.: “...сыновья местных ремесленников-злотников, желающие стать мастерами, вернувшись из путешествия, должны были целый год работать под началом одного из мастеров данного цеха...”

⁵ „...ten uchen, ktory na to rzemiosło (цех портных. – А.Н.) przyjęty będzie, niema byc daley, iedno na trzy lata...” (пер. с польск.: “ученик, обучающийся данному ремеслу, не может учиться больше трех лет...”); в уставе шорников зафиксирован срок обучения в 4 года [4, с. 353; 438].

*trzy razy nahayka dobrą wyxiąc; po tym karaniu ma pana y panią przeprosic, a więcey się tego nie dopuszczac...*⁶ [4, с. 493-494]. Таким образом, мастер становился на это время для ученика главой семьи, которому он должен был подчиняться, как своему отцу, оказывать почет и уважение. Также он должен был относиться и к хозяйке дома. Ученик, оскорбивший своего мастера или его жену, а потом сбежавший из дома, подвергался публичной порке, после чего должен был просить у них прощения: *“...a iesliby ktory chłopiec, służąc panu swemu, nie obyczajnie się zahował, panu swemu szkodę iaką uczyniwszy, albo pana swego, albo panią złaiał y posłusznym niechząc byc, skrył się (...)* *ktorego pan iego, odyskawszy do siebie, ma go do cechu przed bracią przywiesc y prosic cechmistra, aby wszystką bracią obesłał, ktorzy chłopcow maia, aby każdy z swym chłopcem przyszedł, by ktory y dwóch miał, tamże tego winnego, na ktorego pan iego ma za złe, maia rozłozyc na zydlu, a koždy chłopiec, ich będzie, maia go po trzy razy nahayka dobrą wyxiąc; po tym karaniu ma pana y panią przeprosic, a więcey się tego nie dopuszczac...*⁷ [4, с. 493-494]. Как видим, при обучении и воспитании была распространена практика телесных наказаний, что зачастую приводило к побегам учеников еще до окончания срока обучения: *“Дешко Ескович Жоров жаловал на хлопца своего Ивко Селютинича, иж он дей от мене утекъ, не учтившы яко пана своего, и ку тому Дешко менил (...)* *же ему на тот час шкода не мала сталосе у дому ег(о) за одыстем его. Нижли сторона отпорная, Ивко Селютинич, доброволне призналсе же у Дешка был на науце ремесла кравецкого и поведеил, же одышол был затым, же ег(о) биял, але речы няжых не брал...*” [5, с. 598]. Таким образом, в рассматриваемое время мастер обучал и воспитывал учеников, предоставлял им кров. Имеющиеся у нас источники не позволяют нам с уверенностью утверждать возлагались ли на ученика обязанности по ведению домашнего хозяйства, обеспечивал ли мастер своего ученика пропитанием и одеждой, как это делали мастера в странах Западной Европы и Америки в XVI – XIX вв. [6, с. 103; 7, Р. 27, 33]. Тем более, что мастера белорусских городов выплачивали своим ученикам определенную сумму: *“...Аниско Дешкович, жаловал именем сына своег(о) Опанаса, на мещанина Могилевског(о) Антона Акулинича, иж сына своего дал былъ в науку ремесла болтушницкого на рок целый, который почалсе в року семьдесят девятомъ о Филиповыхъ запустак в тыйден, якож на рок мел гр(о)шей пятьдесят. А сторона отпорная Антон Окулинич поведил, ижъ сына ег(о) узял был на науку до себе и мел му дат на тыден по грошу...”* [5, с. 291]. Последнее обстоятельство, на мой взгляд, позволяет предположить, что данные деньги были предназначены для того, чтобы ученик мог обеспечить себе одежду и пропитание, что является отличительной чертой взаимоотношений “ученик-мастер”, по сравнению с взаимоотношениями “сын-отец”. Таким образом, положение ученика в семье мастера, и здесь мы можем согласиться с мнением З.Ю. Копысского, было схожим с положением прислуги [3, с. 105].

Подобное вливание подмастерья в семью ремесленника приводило к тому, что цеховые уставы предъявляют определенные требования к происхождению

⁶ Перев. с польск.: “...если бы который хлопец служа своему пану (...) вернулся в дом своего отца, или того, кто отправился его в науку на то ремесло, которым занимался его пан, пан, найдя его, должен привести его в цех и попросить цехмистра, чтобы тот послал за братьями у которых есть ученики, а те должны прийти со всеми своими учениками, после чего каждый из которых должный был нанести по три удара нагайкой...”

⁷ Перев. с польск.: “...если бы который хлопец служа своему пану, плохо себя вел, наносил ущерб своему пану, или пана своего, или его пана оскорбил и не был им послушен, а потом скрылся (...) пан, найдя его, должен привести его в цех и попросить цехмистра, чтобы тот послал за братьями у которых есть ученики, а те должны прийти со всеми своими учениками, после чего каждый из которых должный был нанести по три удара нагайкой...”

самого ученика, а также к личности его биологических родителей: „...*przyikty <...> uczen na to rzemoistio* (кожевенное дело. – А.Н.) *ma napierwie pokazac list, isz jest dobrzych rodzicow w stanie maienskim spiodzony*”⁸ [4, с. 353].

Цеховые уставы содержат не значительную информацию и о положении родных детей ремесленников и купцов. Данный вид источников лишь позволяет предположить, что они также могли стать учениками в том же цеху, что и их отец. Обучение они проходили у своего отца до достижения двадцатилетнего возраста: „...*Do tego każdy takowy rzemieslnik, albo kupiec rzeznicki, który chciał w to rzemiostwo wkroczać y chandle mieć z onych, nie wprzod, iesli syn rzeznicki, tedy przy oycy swym do lat dwudziestu, a iesli w tych dwudziestu nie stanie rodzica, tedy przy starszych rzeznikach cechmistrach y za dozwozeniem onych ma być w ten cech przyjęty*...”⁹ [8, с. 274]. Как видим, в случае смерти отца-ремесленника заботу о его сыне брали остальные братья цеха, под чьим руководством сын усопшего постигал все премудрости данного ремесла до двадцатилетнего возраста.

Подобную ситуацию мы наблюдаем и в случае с учениками, взятыми на обучение мастером – братья по цеху возлагали на себя обязанность по дальнейшему обучению ученика ремеслу, в случае смерти его прежнего мастера: „...*iesliby chłopca wziawszy na remiosto, odumarł, nie douczawszy go, tedy posmierci onego, maią go brycia oddac do brata ktorego, aby sie douczył y lat swoich, wedle porządku dosłużył, a on go ma wazwolic, w cechu y zapisac, że swoy czas cnotliwie wysłużył*...”¹⁰ [4, с. 491]. Данное обстоятельство, на наш взгляд, является подтверждением того, что ученики на время своей учебы становились членами семьи мастера. По окончании учебы сыновья местных мастеров должны были осуществить путешествие: „...*syny mieyskie złotnicze miasta tuteyszego, syn będzie li chciał magistrem zostac, odprawiwszy wędrowkę, ma tutaj, w mieście, u ktorego kołwiek z cechowych caly rok robic*...”¹¹ [4, с. 498]. После возвращения они могли быть зачислены в ряды братьев цеха. Иерархия, существовавшая в структуре цеха, накладывала отпечаток на дальнейшую судьбу детей ремесленников. Если ребенок был родом из семьи одного из основателей цеха, то его причисляли к “старшим братьям”, дети всех остальных ремесленников обязаны были на протяжении полугода прислуживать старшим братьям, и только после это становились полноправными членами цеха: „...*synowie tych oycow, którzy ten cech wyprawili są tago cechu, nie maią byc obierani do posług młodszymi, tylko gdysią u oycy swego rzemiodła wyuczy, powinien go oyciec w cechu wyzwolic y zapisac; a gdy sobie zachce byc mistrzem, ma do skrynki bracskiey dac wstępного wedle uznania bracskiego y bracią uczyćowac y w regestr wpisac, a potym sobie począc robic; ale ynczych braci młodszych synowie maią także, po wyzwoleniu od oycow swoich y zapisaniu w cechu, zostąc sobie mistrzem polroka, każdy ma młodszym braci służyć*”

⁸ Пер. с польск.: “...принятый <...> на обучение тому ремеслу (кожевенное дело. – А.Н.) ученик должен представить письменный документ, подтверждающий, что он является законнорожденным ребенком и ребенком учтивых родителей...”

⁹ Перев. с польск.: “...К тому же каждый такой ремесленник, или купец резницкий, который хотел заниматься данным ремеслом, или торговать товарами данного ремесла, или он сын мясника, тогда может при своем отце обучаться до двадцатилетнего возраста, а если не станет отца, тогда при старших мясниках цехмистрах и с их разрешения может быть принят в цех...”

¹⁰ Перев. с польск.: “...если бы хлопца взявши умер, не доучив его, то после смерти его (мастера. – Н.А.), его братья должны отдать его другому брату, чтобы дослужил до своих лет, а он (Н.А. – новый мастер) должен его освободить и в цеху записать, что он (ученик. – Н.А.) отучился...”

¹¹ Перев. с польск.: “...сыновья местных жителей, если хотели в последующем заниматься данным видом ремесла (Н.А. – ювелирным делом), после путешествия должны были целый год служить под началом кого-либо из членов цеха...”

у *wkupnego do skrynki, czym bracią poiednac, dac u poczęstowac, potym począć sobie robic...*¹² [4, с. 486]. Ситуация полностью менялась, если молодой человек становился мужем дочери старшины цеха. В этом случае ему было нужно всего лишь угостить братьев и получить согласие на занятие данным видом ремесла у половины из них: *“если бы сын скорняка или кожевника женился на дочери цѣхового старшины, хотя бы и не годичного, и хотѣль заниматься симъ же ремесломъ, таковой долженъ получить согласие половины цѣха и купить бочку пива на всю братію...”* [9, с. 305].

Цеховая организация проявляла заботу об усопших своих братьях, то есть цех принимал участие в организации похорон: *“...если кто изъ братіи, состоятельный, или не состоятельный, умретъ, или у кого либо изъ нихъ умретъ жена, всѣ обязаны собраться на погребеніе и проводить тѣло до могилы; если кто на похороны не явится, долженъ заплатить штрафа три гроша...”* [8, с. 307-308]. Как видим, цех оказывал помощь в организации похорон не только самого ремесленника, но и его супруги. Цеховая организация закупала все необходимое для похорон: *“...s kotorych pienędzy przychodowanych cechmistrz <...> ze wszystką bracią mają mieć axamit, sukno u swiecy dla pogrzebienia”*¹³ [4, с. 294]. На погребении своего брата должны были присутствовать все члены цеха без исключения, не пришедший обязан был заплатить штраф: *“A gdy brat nasz z tego swiata zeydzie, tedy każdy z nas, starsza y młodsza bracia, powinien ciało do grobu przyprowadzić, to jest, na pogrzeb poysc y ciało brata swego pogrzesc w ziemię; iesliby ktory z nas braci rzemioł naszych nie był na pogrzebie, a wymowy słuszney o sobie nie dał cechmistrzowi, to powinien będzie dac kożwy do skrzynki brackiey funt wosku...”*¹⁴ [4, с. 467-468]. Данная помощь являлась весьма важной для семьи покойного. Не оставалась семья покойного мастера без внимания цеха и после его смерти. Для вдовы, имеющей несовершеннолетнего сына, назначался челядник, который занимался ремеслом ее мужа, то тех пор пока сын усопшего не достигал совершеннолетия, после чего дело отца переходило ему в руки, вдова же, не имеющая детей, занималась ремеслом своего мужа в течение целого года и шести недель: *“...aby wdowy, po małżenkach swoich pozostałe, pożywienie mieć mogli, iesli będzie miała syna, tedy mają iey dac czeladnika z cechu, ktory by, rzemiosło robiąc, one żywił, aż poki syn dorosnie lat, a ona mu ma płacic myto wedle postanowieniy od cechmistrza y braci; a iesliby syna nie miała, tedy talko mają dac czeladnika do roku y czesciu mieszkać, a to sie ma rozumiec o wdowach cnotliwych, w stanie wdowim poczciwie mieszkających...”*¹⁵ [4, с. 490]. Приведенный отрывок свидетельству-

¹² Перев. с польск.: “...сыновья тех отцов, которые стояли у истоков того цеха (цех кожевников. – А.Н.), не могут быть избраны для услужения младшими, только в том случае, если у своего отца учились ремеслу, в этом случае отец должен освободить своего сына от науки и записать, если же такой сын захочет быть мастером, то он должен внести в братскую казну внести вступительный взнос, угостить братьев, после чего его вносили в реестр и он мог заниматься ремеслом; сыновья же младших братьев, также отучившиеся у своих отцов, освобождались из науки и записывались в цеху, оставаясь при этом на полгода при мастере служить младшим, после чего вносили вступительный взнос, угощали остальных братьев цеха и могли заниматься данным видом ремесла...”

¹³ Перев. с пол. “...с которых собранных денег цехмистр <...> с остальными братьями покупали аксамит, сукно и свечи для похорон...”

¹⁴ Перев. с пол. “Если бы брат наш с того света сошел, тогда каждый из нас, старшие и младшие братья должны тело до гроба проводить, то есть пойти на похороны и придать тело нашего брата земле; если кого из братии нашей не будет на похоронах и он не сможет указать уважительной причины цехмистру, то должен будет передать в пользу братской казны фунт воска...”

¹⁵ Перев. с пол. “...чтобы вдовы, оставшиеся по мужьях своих, имели средства к существованию, если у нее будет сын, то ей надо дать из цеха челядника, который бы занимался тем ремеслом и содержал ее до тех пор пока сын не достигнет лет своих, а она ему должна платить в соответствии с постановлением братьев цеха, а если бы сына не имела, тогда дать ей челядника до года и шести недель, то необходимо понимать в отношении вдов порядочных, которые в стане своем вдовьем почтиво живут...”

ет о том, что подобной привилегией пользовались вдовы, которые вели пристойный образ жизни. Таким образом, цехи следили за моральным обликом вдов своих бывших братьев. Более того, вдова ремесленника имела право вступить в повторный брак. Однако и здесь не обходилось без контроля со стороны цеха – ее избранник должен был получить согласие на брак с ней со стороны половины братьев того цеха: “...если бы вдове скорняка или кожевенника случилось выйти замуж за подобнаго же мерсленника тогда таковой, женившись на вдовѣ, обязанъ получить согласие половины цѣха, а для всей братіи купить бочку пива...” [5, с. 304-305]. Это было обусловлено тем, что новый супруг занимал место ее усопшего мужа среди братьев цеха, то есть он становился членом данного цеха и имел право заниматься ремеслом.

Заключение

Таким образом, изучение уставов цеховых организаций, действовавших в Могилеве в XVI – XVIII вв., позволяет сделать следующие выводы:

1. Цеховые организации определили специфику матримониального поведения ремесленников и купцов данного времени.
2. Они оказывали влияние как на формирование новой семьи, ее структуру, так и на ее дальнейшую деятельность. Они же осуществляли контроль за моральным обликом ее членов.
3. В рассматриваемое время цеховые организации представляли собой “большую семью”, включавшую в себя множество семей ремесленников. Здесь, как в и отдельно взятой семье, существовал “глава семьи” – цеховой старшина; старшие члены семьи – старшие братья, младшие члены семьи – младшие братья. Ученики и дети ремесленников являлись детьми всего цеха, о чем свидетельствует та забота, которую они проявляли о них, в случае смерти одного из своих братьев. Данная структура отношений внутри цеха определяла специфику внутрисемейных и межсемейных отношений в белорусском городе в XVI – XVIII вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларусы: у 9 т. / рэдкал.: В.К. Бандарчыка 1995 – 2006. – Т. 6: Грамадскія традыцыі / В.Ф. Бацяеў, В.М. Бялявіна, А.У. Гурко [і інш.]; пад рэд. В.М. Бялявіна [і інш.]. – Мінск: Бел. навука, 2002. – 606 с.
2. **Bardach, J.** Historia ustroju i prawa polskiego. / J. Bardach, B. Leśnodorski, M. Pietrzak. – Warszawa: Wydaw. Naukowe PWN, 1997. – 654 s.8
3. **Копысский, Ю.З.** Экономическое развитие городов Беларуси в XVI – XVII вв. / Ю.З. Копысский. – Минск: Наука и техника, 1966. – 227 с.
4. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 8: Приходо-расходные книги г. Могилева на 1691 г. Акты, извлеч. из книг Могилев. магистрата за 1591 – 1634 гг. / под ред. Созонова – 1877. – 530 с.
5. Акты издаваемые Виленскою комиссією для разбора древних актов: в 39 т. – Вильна: Типограф. Губ. правл., 1865 – 1915. – Т. 39: Акты Могилевскаго магистрата XVI в. (1578 – 1580). – 1915. – 664 с.1
6. **Зидер, Р.** Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII – начало XX вв.) / пер.с нем. Л.А. Овчинцевой. – М.: Владос, 1997. – 302 с.
7. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ, тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 12: Приходо-расходная книга г. Могилева за 1698 г. Акты, извлеч. из книг Могилев. магистрата за 1716 – 1725 гг. / под ред. Созонова. – 1881. – 530 с.
8. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 6: Приходо-расходная книга г. Могилева 1689 г. Акты, извлеч. из книг Полоц. магистрата за 1676 – 1771 гг. / под ред. Созонова – 1975. – 409 с.

- ков. – Орел, 1999; **Протасов, Л.** Народные социалисты / Л. Протасов, О. Протасова // Родина, 1994, № 10; **Сыпченко, А.В.** Народно-социалистическая партия в 1907 – 1917 гг. / А.В. Сыпченко. – М., 1999.
5. 1-й Всероссийский съезд народно-социалистической партии // Народное слово. – 1917. – 20 июня (3 июля). – С. 2.
 6. Дело о наблюдении за знесами // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд 102. ОО. – 1910. – Д. 112.
 7. Партийная жизнь. Витебская группа Трудовой народно-социалистической партии // Витебский листок. – 1917. – 4 июля. – С. 3.
 8. Список № 2 кандидатов в Учредительное собрание от Трудовой народно-социалистической партии // Витебское слово. – 1917. – 14 октября. – С. 2.
 9. Городской общественный комитет и городская дума // Свободное слово. – 1917. – 30 апреля (13 мая). – С. 4.
 10. Партийная жизнь. Витебская группа // Народное слово. – 1917. – 3 (17 августа). – С. 4.
 11. Воззвание // Свободное слово. – 1917. – 29 апреля (12 мая). – С. 2.
 12. Крестьянский съезд // Свободное слово. – 1917. – 14 мая. – С. 2.
 13. Губернский крестьянский съезд // Витебский листок. – 1917. – 15 июня. – С. 2.
 14. Партийная жизнь // Народное слово. – 1917. – 7 (20 сентября). – С. 4.
 15. Провинции. Выборы в городскую думу (из Витебска) // Народное слово. – 1917. – 13 (26 сентября). – С. 4.
 16. По губернии. Г. Велиж // Витебское слово. – 1917. – 7 октября. – С. 4.
 17. По губернии. Г. Полоцк // Витебское слово. – 1917. – 14 октября. – С. 4.
 18. Выборы членов в Учредительное собрание // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2496. – Оп. 1. – Д. 1830.